

Сибирь и сибиряки или о методах оживления хозяйства и о «свободном от блядства» лице коммунизма

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Сибиряки представляют собой пеструю смесь из исконно коренных жителей, коренных жителей, просто жителей и новых жителей. Три последних сорта состоят из попавших сюда за последние почти четыре столетия бродяг, авантюристов, осужденных, сосланных и депортированных всех видов и сортов.

Исконно коренные жители из сибирских, подобных и, видимо, частично родственных американским индейцам народных племен – прирожденные охотники и рыбаки – деградировали в своей массе еще со времен завоевания Сибири и последующей за этим торговли «меха за водку и стеклянные бусы» до безобидных пьяниц и нищих.

К коренным жителям принадлежат русские, происходящие еще от казаков и тянувшихся следом за ними в поисках земли и свободы крестьян из европейской части России. Отчасти принадлежат сюда и различные европейские нации, такие как поляки и некоторые другие – потомки всевозможных бунтовщиков, которые были сосланы царем в Сибирь в то время, когда русский царь после поражения Наполеона служил «жандармом Европы». Другую часть составляют потомки русских политических и религиозных раскольников, так же как и уголовников, которым Сибирь сразу же после ее покорения было определена и всегда служила тюрьмой.

Просто жителями Сибирь была заселена, естественно, в советское время, начиная с Ленина, наиболее успешно Сталиным и все еще сегодняшними вождями, хотя посланцы последних уже больше относятся к новым жителям. Речь при этом идет не об известном уже всем «Архипелаге Гулаг», который образует, как бы, четвертое измерение сибирского «архипелага» и не представляется в статистике населения, а о жителях Сибири, которые были заключены не за колючей проволокой, а в сибирской бесконечности – этой тюрьме без стен – и со временем пустили здесь – в тундре, в тайге, в болотах и горах – их корни.

К этим жителям принадлежат со времени войны, главным образом, множество немцев, литовцев, латышей, эстонцев и опять же поляков. Эту часть жителей можно причислить – вопреки всем унижениям и вопреки глубоко сидящему в них недоверию и нелюбви к Советской власти – к самым безобидным, которые к тому же образуют во многих предприятиях их хозяйственный хребет. Они же, однако, образуют вместе с коренными жителями и основу сибиряков как особой человеческой породы.

Всех этих сибиряков, чья плотность не достигает даже одного человека на квадратный километр, характеризует особая естественность, простота и готовность помочь другому. Эти редкие свойства объясняются простыми, но очень суровыми и тяжелыми условиями жизни. При этих условиях люди просто не смогли бы выжить без взаимовыручки и без того, чтобы не держаться вместе.

Эта потребность держаться вместе вероятно и развила указанные качества, которые предполагают все же и определенный вид внутреннего очищения. В Сибири человек не должен просить о помощи – помощь ему предлагается. Если какой-то путник на дороге между деревнями будет обогнан каким-то транспортным средством, то водитель этого средства остановится и предложит путнику подвезти его. При этом совершенно не важно снаружи минус сорок или плюс сорок градусов и какое это транспортное средство – конная ли повозка или многотонный грузовик.

Чистота сибиряков была зачумлена в брежневское время массовой ссылкой в Сибирь «асоциальных элементов» из тех же самых, ради иностранцев особо снабжаемых мясом коммунистических городов-столиц, которые принадлежат теперь к новым жителям Сибири. «Асоциальными» были объявлены партией проститутки, которые в народе назывались блядьми; бездомные, которым ввиду тотального отсутствия квартир негде было прописаться и которые поэтому назывались бомжами – «без определенного места жительства»; безработные, которые назывались тунеядцами; пьяницы, которые часто ночевали в вытрезвителях и уже только поэтому назывались алкашами и многие тому подобные – все те, которые при коммунизме вообще не имели права быть и поэтому удалялись из коммунистических столиц и, таким образом, прочь от иностранных глаз.

Кроме этого политического соображения, было для того и еще одно старосибирское и чисто хозяйственное основание. Эти «элементы» должны были пополнить вечно недостающую в сибирских сельскохозяйственных предприятиях рабсилу. Однако идеологи такой политики очень быстро просчитались.

Проститутки из столиц, которые никогда в своей столичной жизни не видели коровы и, наверное, думали, как и Валерина супруга, что мясо и молоко поставляется им с московских задворков, должны были отныне работать скотницами и доярками. Они и делали это, как могли, но когда в конце месяца им выдавали получку, то разбитные доярки напрочь забывали своих бедных коров и предавались развратным вакханалиям дни и ночи напролет, пока не спускали все свои деньги. Коровы стояли тем временем недоеными и непоеными, тосковали по своим попечительницам и мечтательно мычали о том, когда же, наконец, иссякнет та злополучная получка! Соответственно и естественно убогими были потом и подсчитанные в конце года коровьи надои, даже при самой быстрой растрате денег доярками.

Эти веселые принудительные работницы и работники привели и без того дохлое и почти не функционирующее хозяйство Сибири к окончательному упадку. Но идеологов это мало щекотало – эти хозяйства все-равно сидели на государственных дотациях и субсидиях. Хозяйственные отчеты все-равно были дутыми и давно уже не имели ничего общего с реальными проблемами коров и их надоями. Зато столицы были очищены и «свободное от блядства» лицо коммунизма было спасено.

К этим новым жителям добавились также досрочно выпущенные из советских тюрем и посаженные под надзор милиции уголовники, называемые «химиками». К некоему хозяйственному успеху эти проститутки, бомжи и «химики» все же привели – продажа навесных амбарных замков всех видов процветала! Столетиями стояли двери домов в Сибири открытыми. Если никого не было дома, то дверь, как максимум, подпиралась метлой или какой-то палкой как знак отсутствия хозяев. Теперь те времена прошли – двери и окна домов должны были быть заложены на засовы, замкнуты, а лучше всего наглухо заколочены от бродяжничающих вокруг новых сибиряков.

Сверх того, Сибирь наводнилась сезонными рабочими всех сортов – прилетающими и отлетающими буровыми бригадами с недавно открытых на Севере нефтяных залежей, профессиональными калымными бригадами, золотодобытчиками и другими авантюристами и бродягами. Они получали их бешенные северные деньги и не имели никакого шанса истратить их на что-то другое, кроме водки. Стычки и драки – иногда кровавые – служили мужикам этого субобщества как отдых, расслабление и развлечение.

Именно эта взрывная атмосфера господствовала в районах, где Отец со своей бригадой каждый год искал свободы, самоутверждался и тренировал свою самостоятельность и предприимчивость. Отцу и самому уже случалось пару раз видеть перед носом дуло сибирского охотничьего дробовика или лезвие ножа. Но это его – с его подобным же жизненным опытом – не особо впечатляло.

Он знал, в какую социальную среду он ехал, так же как он знал, повращавшись во многих социальных слоях общества, что в каждом из них есть свои привычные методы уничтожения ближнего. Если не хочешь непривычных тебе опасностей, то лучше оставайся всегда в своей среде и не перемещайся поперек социальных слоев! В научной или другой «высшей» среде ты, конечно, не увидишь ножа или дробовика перед носом. Но почему нож, да еще и перед носом, когда тебе дается еще шанс от него защититься, должен быть более плохим или более жестоким, чем любое другое, если даже и более изощренное оружие и, как правило, в спину, как, например, шантаж или моббинг? И почему смерть от ножа или от охотничьего ружья должна быть страшнее и мучительнее, чем смерть от инфаркта или от инсульта?

При этом сам Отец не признавал никогда и никакого оружия – не важно в каких стычках и драках и не важно в какой социальной среде. Он презирал людей, которые при малейших спорах хватались за все жесткое или подлое, что попадало им под руку. Только тогда мог и он сам стать опасным для других, поскольку они претендовали тем самым на его жизнь, а этого он уж и вовсе не мог терпеть.

Это почти болезненное свойство развилось у него по мере становящегося все острее и отчетливее осознания того, сколько ублютков и в какой степени определяли с самого его рождения его жизнь и его судьбу и претендовали все еще определять их. «Никогда больше!» – был в связи с этим его лозунг, по которому он без оглядки действовал в ситуациях, в которых у него закрадывалось хотя бы малейшее подозрение, что около него снова находится некий, претендующий на его жизнь и на его судьбу ублюток! А таких находилась всегда еще много.

*